

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯЩЕННИК В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ «СВОЕГО» ВРЕМЕНИ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

Т.Г. Леонтьева

На основе архивных документов, литературных, эпистолярных и визуальных источников в статье выявлен спектр негативных характеристик, которыми наделяла православных священников дореволюционной России «прогрессивная» общественность. Показано, как общественные представления воздействовали на процесс самоидентификации духовенства.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, православный священник, народническая пропагандистская литература, массовые представления, самоидентификация духовенства.

Рецепция любой веры неотделима от фигуры её служителя. Духовное состояние общества зависит от органичности взаимоотношений пастыря и паствы. Священник должен быть свободен в своей проповеди, общество – в выборе веры.

Начиная с предреформенного периода (1840–1850-х гг.), когда, по словам Н.П. Огарёва, «... общество и правительство доросли до черты перелома»¹, а «христианские идеалы побледнели»², русское православное духовенство и церковь неуклонно превращались в объект массового злословия. Представители творческой элиты вольно или невольно, прямо или косвенно помогали созданию более чем сомнительного имиджа «главного идеолога» империи. Что касается политиков как радикального, так и либерального толка, то они всегда готовы были добавить чёрной краски в тускнеющий портрет священника. Разумеется, в обществе сохранились и лица, способные умиляться уваровской триаде («православие, самодержавие, народность») и рассуждать о симфонии властей, соборности и святорусских традициях, но отнюдь не они становились «властителями дум».

Для всё более вестернизирующегося российского общества, как и всего (европейского) мира, подобная ситуация была закономерной: христианские (традиционные) ценности были атакованы вольтерьянством, а затем и прочими прогрессистскими учениями. От способности священника противостоять натиску «безбожия» во всех его возможных проявлениях зависели судьбы страны.

Что произошло в дальнейшем – хорошо известно. Идеи, утвердившиеся в интеллигентских умах, вышли за стены светских салонов, редакций «толстых» журналов и стали достоянием масс. Они редуцировались до эгалитаристски-разрушительных (по сути – антихристианских) верований и догм, заслонить от которых «православную» империю не смогли ни церковь, ни духовенство. Неуважи-

¹ Огарёв Н.П. Предисловие [к сборнику «Русская потаенная литература»] // Огарёв Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. Т. 1. С. 421.

² Огарёв Н.П. Памяти художника // Огарёв Н.П. Указ. соч. С. 293.

тельное отношение к священникам со стороны части «просвещённого общества» не просто негативно сказалось на характере взаимоотношений пастырей и паствы, но и способствовало разрушению православных миропредставлений в целом³.

Однако всё ещё открытыми остаются вопросы: чем «не угодило» духовное сословие многим поколениям православных, которые принародно называли его представителей «батюшками», принимали участие в совершаемых ими таинствах, а за оградой храма (кто в творчестве, кто в быту) злословили и потешались над ними? Почему «православная» паства выработала устойчивую традицию негативной стигматизации (не только духовенства, но и иных слоёв общества), что откровенно противоречило христианскому этосу?

Найти точку отсчёта в развитии этого феномена – открытого и последовательного охаивания «посредников между Богом и человеком» – довольно сложно. Вера не исключает сомнений, но когда и почему они складываются в критическую массу безверия?

Амбивалентное отношение к православию и церкви отчетливо прослеживается в устном народном творчестве. Ещё В.И. Даль отметил своеобразную пословичную полемику, издавна присутствующую в лексиконе русского народа. Здесь словно состязались между собой утверждения типа «Аминь человека спасает» и «От аминя не прибудет». Заметно стремление девальвировать понятие греха: «Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься», «От греха до спасения – один шаг». Перечень примеров можно продолжить⁴. Известно также, что в народной смеховой культуре всегда находилось место для «попа» – незадачливого недотепы или прохиндея, его нерасторопной или оборотистой попадью, придурковатых детей. Ограничимся одним, как представляется, весьма репрезентативным примером.

На западе Тверской области с незапамятных времён бытовало стихотворение-притча «Про попа». *«Ну, жил поп. И жила удовушка красивая. / Одна у ей была корова. Ну и поп похаживал к этой удове. / И яму корова понравилась эта»*. Далее следует рассказ о том, как поп украл корову, спрятал её в своём овине и, заметая следы, взялся служить молебен о пропаже. Дьячок же, желая разоблачить вора, поёт: *«Удовина коровина у поповом овини-и-и» / А поп: «Дьякон, дьякон, во весь рот ня вякай – / Дам тебе половину-у-у!»*⁵. Специалисту понятно, что этот нехитрый текст (семнадцать строк) сконцентрировал в себе едва ли не все житейские и служебные проблемы духовного сословия: ничуть не сдерживаемая саном мужская блудливость; несовершенство материального обеспечения служителя Господа, подталкивающее к тому, чтобы подкормиться за счёт паствы; нескончаемые внутрипричтовые распри, доходящие до публичных столкновений между членами клира; наконец, страхи перед разоблачением – епископская власть была скорой на расправу⁶.

³ См. подробнее: Леонтьева Т.Г. Российское реформаторство: генетический изъясн? // Россия и современный мир. 2004. № 4 (45). С. 69–81.

⁴ См. подробнее: Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета. М., 2009.

⁵ Хрестоматия по устному народному творчеству / Сост. О.Е. Лебедева. Тверь, 1997. С. 118.

⁶ Сущность и глубина обозначенных проблем обстоятельно отражены в исследовательской литературе. См. подробнее: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002. (Гл. I. Облик духовного сословия; Гл. IV. Священник и паства: контакты и противоречия).

Но что создавало предпосылки для подобных неординарных поступков?

Конечно, можно *a priori* сказать, что модернизационные предпосылки сами по себе предполагают некоторую «секуляризацию веры» (классический случай – протестантизм) и/или усиление роли «приходской культуры». Сложившаяся в России церковная иерархия этого не допускала. Но существует и куда более прозаичный аспект проблемы. В новую эпоху по-новому зазвучали привычные, казалось бы, вопросы.

В рассматриваемый период проблемы материальной обеспеченности православного клира приобретали всё большую остроту. Как известно, на протяжении многих веков над проблемой «скудости и богатства» ломали голову христианские теологи. Как бы то ни было, в тех или иных условиях прихожан могли одинаково провоцировать на дерзость как богатство, так и бедность духовных наставников – в традиционном обществе, в условиях господства «моральной экономики», достаток должен был носить либо «трудовой», либо «служилый» характер. Между тем значительную часть доходов священника составляли требы – плата прихожан за ритуальные услуги. В связи с этим по критериям традиционной нравственности священник был заведомо уязвим, что само по себе снижало его социальный статус и девальвировало значение вероучительской деятельности. С другой стороны, сопутствующие бедности «язвы быта» могли превратить священника в объект насмешек прихожан.

Невозможно точно установить, как формировались те или иные окарикатуренные фольклорные типажи – очевидно, что острые на язык авторы следовали за по-своему воспринимаемой «правдой жизни». Так или иначе, но именно из народного творчества утрированные образы «попов» перекочевали в художественную литературу. Достаточно вспомнить «насмешливые стихи на духовенство» А.С. Пушкина и его известную «Сказку о попе и о работнике его Балде», учитывая, что там содержатся отнюдь не самые обидные эпитеты, которыми православный народ награждал своих «батюшек»⁷.

Впрочем, в предреформенный период игривая ирония и искрометный юмор пушкинской поры сменяются сочувственным интересом общества к жизни лиц духовного сословия. Наиболее отчётливо это просматривается у Н.А. Некрасова, задавшего вопросом «Сладка ли жизнь поповская?» в известной поэме «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Поп») ⁸. Автор точно уловил тяготы священнического бытия, с одной стороны, неоправданно низкий авторитет попа в обществе – с другой⁹.

Для оценки поповской жизни Некрасов задаётся рядом типичных «мужиковских» вопросов: «Каков попу покой?», «Каков попу почёт?», «Откудава богачество поповское идёт?»¹⁰. При этом вопрошаемый священник так ярко живописует трудности своего существования, что мужикам и возразить оказывается нечего. Сельские «правдоискатели» вынуждены признать, что напрасно они называли священников «породой жеребьячьёю», беспричинно бояться столкнуться с попом на

⁷ См. подробнее: Леонтьева Т.Г. Жил-был поп... // Родина. 1999. № 11. С. 42–47.

⁸ Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. М., 1957. С. 35.

⁹ Между тем общество нуждалось в «учителях и проповедниках науки для крестьян» (Огарёв Н.П. Письма к соотечественнику // Огарёв Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 373), но священники, увы, не подходили на эти роли. См. подробнее: Леонтьева Т.Г. Российское реформаторство: генетический изъян?

¹⁰ Некрасов Н.А. Указ. соч. С. 35–38. Курсив автора поэмы.

дороге, как с нечистой силой, зря слагают о лицах духовного звания «сказки балагурные, / И песни непристойные, / И всякую хулу»¹¹. Более того, они обрушились на своего односельчанина Луку, настаивавшего, что не только «попы живут по-княжески», но и «попова лошадь жирная, / пчела попова сытая, / как колокол гудет»¹². Впрочем, «позволив» высказаться попу, подчеркнув «сумнения» мужиков, поэт воздержался от демонстрации своих собственных взглядов на этот счёт. Это не случайно – священник в глазах народолюбивой общественности оставался представителем «барского» сословия, а как отмечал Н.П. Огарёв, в постдекабристский период «уважение к барству и помещичеству было подточено в общественном сознании»¹³.

Не исключено и то, что устами крестьян Некрасов передал характерные мысли своих высококультурных современников – издателей и сотрудников журнала «Современник», склонных третировать выходцев из «поповской» среды – членов редакции Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского, проявивших себя к этому времени блестящими журналистами. Было очевидно, что их сочинения оказывают мощное воздействие на «умы народные», увеличивая тираж и славу издания. А между тем Н.С. Тургенев называл их «кутейниками-вандалами»¹⁴, не признающими «эстетических потребностей жизни» и готовыми «стереть с лица земли поэзию, изящные искусства, всеэстетические наслаждения и водворить грубые семинарские принципы»¹⁵. Он полагал, что выходцы из духовного сословия «топят в грязной луже» всеми уважаемый журнал¹⁶.

Для русского общества того времени было характерно то, что ломка общественных перегородок имела своим побочным результатом усиление нравственно-эстетического неприятия «чужаков». Священники оказывались «чужими» для всех. Как свидетельствовала А.Я. Панаева (супруга издателя журнала), известный литератор Д.В. Григорович уверял, что «даже в бане узнает семинариста, когда он моется; запах деревянного масла и копоты чувствуется от присутствия семинариста, лампы начинают тускло гореть, весь кислород они втягивают в себя и дышать делается тяжело»¹⁷. Российская «прогрессивная» общественность на бытовом уровне была пропитана самыми нелепыми сословными предрассудками. И если учесть, что в «искусстве видели могущественное средство познания действительности, средство пропаганды, средство воздействия на общество»¹⁸, то можно представить, какими негативными социальными образами одарили современников тогдашние литераторы и художники.

Известно, что слабости официальной идеологии по-своему восполняются «властителями дум». При этом всякое подсознательное недовольство рано или поздно персонализируется.

¹¹ Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. С. 37.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Огарёв Н.П. Предисловие [к сборнику «Русская потаенная литература»] // Огарёв Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 449.

¹⁴ Панаева А.Я. (Головачёва). Воспоминания. М., 1972. С. 269.

¹⁵ И в дальнейшем представителям духовного сословия не будет места в «приличном» обществе. Вспомним, к примеру, ремарку А.П. Чехова в «Драме на охоте» (опубликована в 1885 г.): «Тут все больше аристократки... Ни одной попадьи, ни одной купчихи» (Чехов А.П. Драма на охоте. Рассказы. М., 1986. С. 85).

¹⁶ Панаева А.Я. (Головачёва). Указ. соч. С. 264.

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Тарakanов Н.Г. Мировоззрение Н.П. Огарёва // Огарёв Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 58–59.

Злой сарказм, издёвки и откровенная неприязнь по отношению к духовенству становятся нормой общественной жизни в пореформенный период, особенно, в связи с появлением «друзей народа» (всех, кто сочувственно относился к его страданиям). Они «соответственно» оценивали его «врагов»¹⁹, в разряд которых попадали «господа, попы и купцы». Иной раз тональность обличительства подсказывали сами священники (иные из них, попирая принципы благочестия, не прочь были резко высказаться в адрес своих незадачливых собратьев) и, особенно, их дерзкие дети, среди которых выделялись бывшие семинаристы вроде упомянутых Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. Именно они стремились доказать, что традиционные этические, религиозные и (по большому счёту) государственные ценности «прогрессивными» людьми должны быть отвергнуты.

Наступило время переосмысления роли религии в обществе, культуре, образовании. Признавая значимость веры для простолюдинов, его неформальные просветители уже в середине XIX в. отказывались от веры в привычном (тертулиановском: верую, потому что нелепо) понимании²⁰ и выступали с антиканоническими предложениями. «Для спокойства же народа надо дозволить и в господствующей церкви, чтобы священники и причетники, обычно епископами ставленные, были водворяемы в сельских приходах с согласия мира, в городах – с прихода, чтобы священники и причетники были приходу любви и поступали в должность на мирской ли оклад с тем, чтобы уже требы справлять безвозмездно, – доказывал Н.П. Огарёв. – ...И священству и народу будет лучше»²¹. Однако отказ от треб в тогдашних условиях был возможен лишь при условии обеспечения священника достойным государственным содержанием.

Сложно предположить, сколь долго могла тянуться интеллектуальная перепалка литераторов, если бы не события 1870-х гг., когда на политической авансцене появились новые фигуранты «прогрессивной общественности» – революционные народники. Вслед за своими идейными вдохновителями они смотрели на церковь как на «род небесного кабака» (М.А. Бакунин), а верность Богу и царю – как на предрассудки невежественного народа. Не вдаваясь в особенности народнической идеологии применительно к религии, отметим, что в целом она произрастала на почве умозрительного сочувствия угнетённым и доктринального протеста «против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-миroeда»²². При этом для «умственного и нравственного развития народа стала создаваться специальная агитационная литература»²³.

¹⁹ В советской риторике этот термин приобретает совершенно иную коннотацию.

²⁰ К началу XX в. весьма популярной станет радикальная по характеру концепция «иррелигиозного будущего». Подробнее о феномене атеизма см.: Митрохин Л.Н. От научного атеизма к наукам о религии: философия религии и теология // Вопросы религии и религиоведения. М., 2009. Вып. 1. Ч. 4. С. 41–69.

²¹ Огарёв Н.П. «Что надо делать народу» // Огарёв Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 579.

²² Цит. по: Шилов А. Катехизис революционера // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 271.

²³ В рассматриваемый период термины «агитационный» и «пропагандистский» зачастую использовались как синонимы. Однако в 1892 г. Г.В. Плеханов отмечал, что пропагандист представляет множество идей одной или нескольким личностям, а агитатор – одну или несколько идей, но для массы людей (цит. по: Уэлч Д. Власть мнения для властей предержавших. Всегда ли пропаганда – ложь и промывание мозгов? // Родина. 2000. № 7. С. 10). В данном случае автор пользуется «языком времени», используя термины как равнозначные.

Не следует преувеличивать возможности пропагандистской литературы в традиционном обществе. Известно, что в массе своей крестьяне крайне негативно реагировали на выпады против царя и Бога. Иное дело служители того и другого.

На острие пера народофилов «церковники» всех мастей попадают одними из первых. Так, известный народник-пропагандист С.М. Степняк-Кравчинский в 1870-е гг. опубликовал «Сказку о копейке», где духовенство представлено как сатанинское отродье. «... Выдумал черт попа, барина и купца и напустил их на мужика, – сообщал сей просветитель. – ... Вот с того-то времени и не стало мужику житья на белом свете». Получалось, что замучили народ «баре, попы да начальство – чертова скотина»²⁴. Сказка выглядела убедительно – было показано, как каждый из её персонажей норовил отобрать у мужика заработанную трудовую копейку²⁵.

В тексте фигурировали поп, архиерей (священнослужители) и пономарь (церковнослужитель). Автор не пожалел красок для их дискредитации: поп предстал существом хитрым и завистливым (мужик обращается к нему несколько небрежно – «батька»). Пономарь выглядит и того противнее: «на клиросе орал», «торговлишкой не брезговал». Автор постарался показать, что ладу между «божьи людьми» нет («долгогривый» и «толстопузый» – так они «любезно» адресуются друг к другу), они норовят обмануть не только мужика, но и друг друга²⁶. В финале обманутый и обобранный попом мужик пророчески предупреждает обидчика: «...не грабь ты народ православный», «Опомнись, батька!»²⁷.

Наряду с «Копейкой» широкое хождение получил текст другого пропагандиста аналогичного жанра: «Где лучше? Сказка о четырёх братьях и об их приключениях» (автор – Л.А. Тихомиров)²⁸. Здесь представители духовенства фигурируют неоднократно: сначала – поп, которого «ловко мужик отделал» за призыв не бунтовать да начальству повиноваться, затем – монахи – пьяницы, драчуны, хапуги, мошенники и развратники. Да и монашенки, оказывается, не отстают по части непристойности: распивают водку в кельях мужского монастыря. Вывод очевиден – нет в мире ни святости, ни святых²⁹.

Эта же мысль находит продолжение в рассказе «О смутном времени на Руси». Здесь доказывается, что церковь и попы заведены на Руси, чтобы морочить мужика³⁰. В общем, это доходчивый парафраз идей Французской революции.

Неизвестный автор повести «Бог-то бог, да сам не будь плох» акцентирует внимание на ещё одном отрицательном качестве священника – доносительстве: «смастерил в губернию донос на учителя», да еще и ругался «всякой скверностью». Примечательно, что в этом тексте «праведными» обличителями попа вы-

²⁴ Сказка о копейке // Агитационная литература русских революционных народников. Л., 1970. С. 241–266.

²⁵ Лавров П.Л. Народники-пропагандисты 1873–1878 годов: 2-ое изд. Л., 1925. С. 121.

²⁶ Сказка о копейке. С. 242–243.

²⁷ Там же. С. 249.

²⁸ Впервые опубликована в Женеве в 1873 г. По свидетельству П.Л. Лаврова, одна из популярнейших в народе. Подробнее: Лавров П.Л. Указ. соч. С. 121. В исследовательской литературе упоминается даже о постановке её в рабочем театре в 1877 г. на Ново-прядельной фабрике в Петербурге // Агитационная литература русских революционных народников. С. 486.

²⁹ «Где лучше? Сказка о четырёх братьях и об их приключениях» // Агитационная литература русских революционных народников. С. 288–293.

³⁰ «О смутном времени на Руси» // Агитационная литература русских революционных народников. С. 359–360.

ступают подростки: они якобы обладают «инстинктом правды» и не желают терпеть обман. Кстати, появление детей, как зрелых социальных субъектов, в агитационной прозе не случайно: «просветители» народа признавали, что взрослые крестьяне наименее охотно реагировали на «резкие выходы против царя и религии»³¹ и потому сознательно делали ставку на молодёжь.

Словом, именно народники создали целостно отрицательный образ священника, наделяя его всеми нелицеприятными характеристиками: толстопузый, прожжённый, долгогривый, завистливый, жадный («с живого и мертвого дерет»). О наборе соответствующих эпитетов и говорить неловко: «сатана», «жеребьячья порода», «кутейник», «сукин сын» и т. п. Следует отметить, что появление в народническом агитпропе образа *такого* попа было связано с укоренением во всей «просвещённой» среде *нового* отношения в религии, церкви и вере: авторы «книг для народа» (спецжанр, уже тогда хорошо известный революционерам Европы)³² намеревались «открыть глаза» всем «ослеплённым» культурой прошлого. При этом религия ставилась в один ряд с «невежеством» и «рабством». Естественная для служителя культа социальная функция – наставничество – развенчивалась с помощью намеренно грубых приемов. Народ «взыскует неба», но вместо того получает «кабак»³³ – лейтмотив настырной народнической проповеди. Впрочем, строго говоря, последняя структурно воспроизводила первую: народники призывали искать не рай небесного, а царства мужицкого, где «... *нет у нас ни попов, / нет у нас ни рабов, / ни царей, ни купцов, / ни воров, наглецов*»³⁴.

Следует обратить внимание на язык и стилистику подобной литературы. Лексика сказок призвана была имитировать народную речь, но оказывалась насыщена не только «мужицким» говорком («таперя», «старый хрен», «во всю мочь», «надыть» и т. п.), но «барской» фразеологией («душа моя», «други мои любезные», «трикрат блажен», «капиталистическое производство»). О рецепции народнической литературы следовало бы поговорить особо.

Практически все агитационные тексты начинались сказочным зачином: «*Привольно, братцы, житье было на Руси, когда не было на ней ни господ, ни попов, ни купцов толстопузых*» («Сказка о копейке»), «*То не ветер воет по дубравушке, то не дождь мочит зелену траву, то стонет русский народ от злых врагов, то льет он слезы свои горькие*» («Сказка о Мудрице Наумовне» и т. п.). Довольно однообразными в смысловом отношении оказывались и концовки: «... *нет на земле правды-матушки, вконец извели ее царь, князь, бояре, попы да чиновники*»; надеяться мужик может только «на свою силушку» («Где лучше? Сказка о четырёх братьях и об их приключениях»); «*Долго ль будем мы так жить, / наших врагов кормить? / Соберемся-ка скорей / Да на них пойдем дружнее... / Так делишки поведем, / Что с лица земли сотрем / Бар, начальников, попов / И мошенников купцов!*» («О смутном времени на Руси»). В общем, в народническом нарративе явственно

³¹ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пгр., 1924. С. 170.

³² См., напр.: Энгельс Ф. Немецкие народные книги // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.; Л., 1931. Т. 2.

³³ Эта метафора получила хождение с «подачи» М.А. Бакунина, который писал: «Церковь представляет для народа род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле...» (Бакунин М.А. Государственность и анархия. Прибавление // Бакунин М.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. Б.г. Т. 1. С. 251.

³⁴ «Сказка дяди Филата» // Агитационная литература русских революционных народников. С. 302.

звучали и хилиастические, и манихейские установки – старые как мир, а потому наиболее доступные для массового сознания.

Подражание народному языку и жанрам (сказке, былине, песне), а также эксплуатация фольклорной стилистики явно поспособствовали появлению в массовом сознании нелестного (практически – карикатурного) образа священника. Противоречивость представлений надолго закрепилась в языковой практике: до сего дня живут выражения: «пастырь добрый» (в церковной литературе), «батюшка» (в просторечии), «требоотправитель» (на языке критиков), «кадиломахатель» (на профессиональном сленге).

Насколько справедливы столь резкие заключения? Один из вариантов ответа на этот вопрос в своё время дал Г.В. Плеханов: «Никакие специальные исследования не могут заменить нарисованной ими (писателями-разночинцами. – Т.Л.) картины народной жизни. Произведения наших народников-беллетристов надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском хозяйстве или сочинения по обычному праву крестьян»³⁵. Продолжая мысль Плеханова, отметим, что так же внимательно нужно изучать и мировоззрение тех, кто пытался влиять на умы современников.

Так, сравнительно немного известно о том, какой религиозный тип сознания был характерен для самих представителей «просвещённого общества». Совершенно понятно, что упомянутые выше народники-беллетристы максимально дистанцировались от официальной церкви. Но отдельные высказывания их предшественников обнаруживают следы болезненных духовных исканий. Н.П. Огарёв вспоминал: «Ребёнком я верил в бога и чорта, уповал и боялся. – Вырос, – разуверился в чорте, а вместе чортом – олицетворением идеи зла, – исчез и бог – олицетворение идеи добра; остались два абстракта – зло и добро»³⁶. Н.А. Добролюбов, сын священника, получивший специальное духовное образование, сообщал в одном из писем, что он «стыдился семинарии»³⁷. Но разочарование в официальных законоучителях и соответствующих институтах порождает не столько безверие, сколько поиск новой веры. Понять это можно через образы художественной литературы и живописи.

В рассматриваемый период в художественном творчестве один за другим появляются сюжеты и персонажи, на фоне которых разнuzданный антиклерикализм вольтеровского толка мог показаться естественным и справедливым. В сущности, вся великая русская литература может рассматриваться под углом зрения элиминирования сакрального (большевики не случайно уживались с ней). Что касается визуальных образов, в создании которых особенно преуспели «передвижники», то с их помощью в художественном творчестве и массовом сознании надолго закрепился негативный образ холеного «зажравшегося попа».

Всему этому сопутствовал «обличительный» тон прессы. Её роль в формировании негативного образа православного священника чрезвычайно велика. Особенно заметно это сказалось на рубеже XIX–XX столетий, когда внутрицерковные проблемы стали обсуждаться в контексте наиболее острых социальных проблем. Именно тогда текущие проблемы церковной жизни приобрели клерикально-

³⁵ Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1947. С. 510.

³⁶ Огарёв Н.П. Письмо к М.Л. Огарёвой. 1841 г. // Огарёв Н.П. Указ. соч. Т. 1. С. 34–35.

³⁷ Добролюбов Н.А. Письмо к В.В. Лаврскому. 8 августа 1856 г. // Добролюбов Н.А. Избранные философские произведения. М., 1948. Т. 1. С. 56.

обличительную направленность. Недовольство «простого» народа «попами» сомкнулось с нетерпением высокоинтеллектуальной паствы, увлечённой поисками «новой веры» и «новой церкви». Именно тогда в глазах «просвещенной» публики священник приобрёл устойчивую репутацию апологета самодержавия³⁸. Публикации не только в светских, но и «специализированных» изданиях (вроде «Церковного вестника») напоминали протоколы судебных заседаний. Духовенство обвиняли в стяжательстве, лицемерии, невежестве. Характерно и другое: сами священники, пытаясь по-новому идентифицировать себя, вольно или невольно вскрывали такие потаённые стороны своего бытия, которые ещё больше стимулировали общественное недовольство³⁹.

Нельзя забывать о том, что именно это время российское общество было инфицировано не только поветрием марксизма, но и «модой» на нищезанство. На фоне того и другого фигура смиренного служителя Господа стала казаться жалкой. Даже при тогдашних цензурных ограничениях от таких «просветителей», как круги по воде, расходились антиклерикальные идеи. В этих условиях возможности формирования «правильного» религиозного мировоззрения были невелики. Мало заметной становилась и культтрегерская деятельность духовенства⁴⁰.

Не удивительно, что многие православные священники ощутили себя в социально стрессовой ситуации. Отсюда участившиеся сложения сана, демонстративные разрывы со своей социальной средой. Попытки «спасти ситуацию» со стороны отдельных представителей интеллигенции («Религиозно-философские собрания» и т. п.) уже не могли дать должного общественного эффекта. Более того, Первая русская революция обернулась появлением совершенно необычной фигуры священника-политика левого толка. Примечательно, что опытом массового воздействия на широкие слои населения захотели воспользоваться и церковно-общественные деятели: например, члены Союза Михаила Архангела в 1908 г. всерьёз подумывали о том, как приспособить кинематограф к решению своих политических задач⁴¹. Между тем, от попыток политиков использовать религию в собственных интересах страдает в первую очередь вера.

Социал-демократы унаследовали «ругательный» тон в адрес церкви. Примечательно, что некоторые из них заговаривали о «богостроительстве», но в целом марксистская идеология наиболее последовательно противостояла любой традиционной религии. В любом случае марксисты своей «прогрессивистской» идеологией внесли наиболее основательную лепту в конструирование образа священника – «оплота реакции». Большевики, придя к власти, попытались (крайне примитивно) использовать это.

Можно спорить, насколько искренни были те или иные литераторы, публично «задевшие» (иной раз невольно) священников. Однако можно с большой долей

³⁸ Представляется, однако, что так называемая просвещенная публика также отреагировала на «народную» пропаганду. Вместе с тем для интеллектуалов предлагалась несколько иная «продукция», где служители Господа являлись в ином свете, например: Л.Н. Толстой «Отец Сергей» или одноименный фильм Я. Протазанова (см.: *Гизбург С.С.* Кинематография дореволюционной России. М., 207. С. 459–467). Однако, это – сюжет для самостоятельного исследования.

³⁹ Подробнее: *Леонтьева Т. Г.* Жизнь и переживания сельского священника (1861–1904 гг.) // Социальная история: Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 34–56.

⁴⁰ См. подробнее: *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс. Гл. III. Каков поп, таков приход.

⁴¹ *Гизбург С.С.* Указ. соч. С. 81–82.

вероятности утверждать, что охаивание служителей церкви со стороны интеллигенции рано или поздно должно было сомкнуться с «антипоповскими» настроениями части прихожан, особенно крестьян.

Общеизвестно, что первые публичные проявления сомнений тех, кто считался наиболее богобоязненной частью населения, обнаружались в годы Первой русской революции. Яркий тому пример – наказания крестьян с непременным требованием конфискации церковных и монастырских земель⁴². Не менее симптоматичны дерзкие высказывания и поступки потенциальных пастырей – семинаристов (по преимуществу выходцев из священнической среды)⁴³. Не стоит игнорировать даже немногочисленные примеры эпатажного поведения представителей «просвещенного общества» – они симптоматичны.

Любопытный случай отмечен в Тверской губернии (где одним из рассадников российского либерализма признавался Новоторжский уезд): там, между прочим, владели землёй И.И. Петрункевич («живая совесть» партии кадетов) и известные на всю Россию вольнодумцы Бакунины. Здесь пронёсся слух, что молодой доктор А.И. Бакунин сгоряча выбросил Евангелие и крест в отхожее место⁴⁴. Подобные слухи (обычно наветы) в черте оседлости, как правило, предшествовали еврейским погромам. В Тверской губернии глумление над священной атрибутикой было расценено как барское дурачество. Более того, мужики вслед за господами стали позволять себе и не такие вольности. Так, в марте 1905 г. в этом же уезде прошёл слух, что лихие мужики на Пасху все церкви взорвут⁴⁵, а крестьянин Морозов «прославился» тем, что не снимал в церкви шапку, курил не стесняясь, а затем и вовсе заявил: «На кой [...] мне ваш Бог, [...] ли он мне сделает, на кой нам [...] Бог и царь»⁴⁶. Как выяснилось в ходе разбирательства, нецензурную брань мужик позволил себе в пьяном виде и затем искренне (?) раскаялся в содеянном. Надо заметить, что богохульство, как и поношение царствующих особ в *пьяном* виде считалось в те времена *смягчающим* обстоятельством – мужики этим пользовались («то ли зелёный змий, то ли бес попутал»). Но надо иметь в виду, что в любом случае – спьяну или на трезвую голову – случаи покушений на сакральное учащались.

В том же уезде в селе Волосово (1905 г.) священник жаловался: «... святой храм, так дорогой в недавнее время, теперь для большинства наших прихожан превратился в место глумления и кощунства над святынею. <...> В наш престольный праздник, при огромном стечении народа, революционеры курили табак, а окурки бросали в храм. <...> Положение священника в настоящее время достойно глубочайшего сожаления. Я уже не говорю о том, что революционеры лишили нас почти всяких доходов, они стараются на каждом шагу нанести нам оскорбление, унижение, не останавливаются даже перед поджогом имущества (в с. Архангельском, Пречистой Каменке, Таложне, Бараньей Горе). <...> Если я сравню теперешнее положение сельских священников с тем, какое было при Батые и Тамерла-

⁴² Сеңчакова Л.Г. Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг.: По материалам центральных губерний. М., 1994. Т. 1–2.

⁴³ См.: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Гл. II. Семинарские будни: как учили и воспитывали православных священников.

⁴⁴ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции. М., 1993. Т. 21–22. С. 222, 352.

⁴⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 801. Л. 18.

⁴⁶ Там же. Д. 975. Л. 99–100.

не, то скажу только часть правды: ибо тогдашнее положение, по свидетельству истории, было несравненно лучше»⁴⁷.

Разумеется, упомянутые выходки не имеют ничего общего с религиозным диссидентством, скорее, это проявление стихийного недовольства характером предоставляемых священниками «ритуальных услуг». Но возникает вопрос: как соотносятся подобные факты с деятельностью двух пореформенных поколений интеллигентных насмешников над верой, церковью и духовенством? С другой стороны, демонстративный эпатаж и бытовое богохульство паствы не могли не вызвать ответной реакции со стороны священников в виде стремления «... преодолеть свою внутреннюю разьединённость, установить правильные формы взаимодействия в своей среде и организовать в живую действенную силу»⁴⁸.

Так или иначе, но уже в конце XIX – начале XX в. православный священник всерьёз столкнулся с последствиями преднамеренного искажения его «коллективного портрета» народниками. Как результат, в 1917 г. немалое число православных граждан, не отказываясь от привычной ритуалистики, ставили на одну доску существующую церковь и «царство тьмы и реакции». Большевики точно уловили этот настрой и использовали его в конструировании своей собственной антицерковной политики. Клонирование негативного имиджа православных священников обернулось для последних настоящей личной драмой. Искреннее служение Богу стало квалифицироваться как ненужная и вредная профессия⁴⁹. Большевики зафиксировали это рядом нормативных актов, но для их популяризации требовались подручные средства. Тогда и были востребованы наработки дореволюционного (по преимуществу – народнического) «агитпропа». Появляется немало злобных пропагандистских штампов. Среди них особенно примечательна «гибра контрреволюции» – некое враждебное народу «трехсоставное» (!) существо. Примечательно, что постоянным компонентом политической сатиры (с 1921 г.) становится толстый или змееподобно тощий «поп», с гротескно крупным крестом, изуродованным злобой лицом – приём, призванный подчеркнуть ничтожество и злокозненность «классового» врага⁵⁰. Словом, созида «новое настоящее», большевики запугивали народ химерами прошлого.

Как выстраивали новые жизненные стратегии священники, лишившись государственной поддержки и не имея твердой социальной опоры, – это отдельная тема. Отметим лишь, что одни воспринимали случившееся в 1917–1918 гг. как апокалиптическую катастрофу, другим, (как ни странно), именно Октябрьская революция дала шансы на подлинное личностное самоопределение. Гражданское звучание получали теперь и акты «расцерковления» (выхода из сословия), и упорная подвижническая деятельность (сохранение прежнего статуса вопреки проискам властей). Особое мужество потребовалось священникам, чтобы не потерять лицо в условиях разгула крестьянской стихии и богохульских акций времён гражданской войны. Волей обстоятельств им пришлось выступить и в таких необычных ролях,

⁴⁷ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3084. Л. 1–1 об.

⁴⁸ Церковный вестник. 1905. № 1. С. 6.

⁴⁹ С точки зрения специалистов, создание отрицательного образа даже в литературном произведении уже может рассматриваться как шаг к насилию. См.: Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб., 2001. С. 17.

⁵⁰ См. рисунки-карикуры Д. Мора, А. Дейнеки, М. Черемных в журнале «Безбожник у станка» (тираж – 70 000 экз.), Ю. Ганфа, Л. Генча, К. Елисева, В. Козлинского в журнале «Крокодил» (тираж – 123 000 экз.), В. Точилкина в журнале «Огонек» (тираж – 430 000 экз.).

как чиновник на гражданской службе, мелкий предприниматель, политический оппозиционер, бродячий проповедник. Проблема выбора обострилась в связи с поддержкой большевиками так называемого обновленчества. Сохранившиеся в архивах следственные дела 1930-х гг. показывают, что основная масса священников старалась сохранить свой прежний статус, изо всех сил сопротивляясь как агрессивно-бездуховному окружению, так и социально-политическим соблазнам обновленчества⁵¹.

Эти метаморфозы не остались незамеченными – свои штрихи к портрету добавили писатели и поэты, художники и кинематографисты⁵². Перемены в духовном сословии не ускользнули от их цепкого взгляда. Священник в их произведениях постепенно превращался во всё более изощрённого врага.

В заключение отметим, что в своё время православному священнику была навязана самодержавным государством ложная идентичность (служение не столько Богу, сколько государству), что болезненно, а затем и трагично сказалось на его судьбе. Сегодня появился шанс объективно разобраться в истоках и последствиях этого явления, избегая как ложного пафоса, так и светского безразличия.

Литература:

Postcards from the Russian Revolution. Introduction by Andrew Roberts. Bodleian Library University of Oxford. 2008.

Агитационная литература русских революционных народников. (Потаённые произведения 1873–1875 гг.) / Отв. ред. В.Г. Базанов. Л., 1970.

Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. Пгр., 1924.

Волков Е.В. «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск. 2008.

Гизнбург С.С. Кинематография дореволюционной России. М., 2007.

Лавров П.Л. Народники-пропагандисты 1873–1878 годов: Изд. 2. Л., 1925.

Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX в. М., 2002.

Леонтьева Т.Г. Жил-был поп... // Родина. 1999. № 11.

Леонтьева Т.Г. Российское реформаторство: генетический изъян? // Россия и современный мир. 2004. № 4 (45).

Митрохин Л.Н. От научного атеизма к наукам о религии: философия религии и теология // Вопросы религии и религиоведения. М., 2009. Вып. 1. Часть 4.

Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. М., 2009.

Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1947.

⁵¹ См.: Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 7849; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263.

⁵² См. напр.: рисунки-карикатуры Д. Мора, А. Дейнеки, М. Черемных в журнале «Безбожник у станка» (тираж – 70 000 экз.), Ю. Ганфа, Л. Генча, К. Елисеева, В. Козлинского в журнале «Крокодил» (тираж – 123 000 экз.), В. Точилкина в журнале «Огонёк» (тираж – 430 000 экз.). А также: Полонский В. Русский революционный плакат. М., 1925. Postcards from the Russian Revolution. Introduction by Andrew Roberts. Oxford. 2008; Волков Е.В. «Гидра контрреволюции»: Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск. 2008.

- Сенчакова Л.Г.* Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994. Т. 1–2.
- Тараканов Н.Г.* Мировоззрение Н.П. Огарёва // *Огарёв Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. Т. 1. М., 1952.
- Тишков В.А.* Теория и практика насилия // *Антропология насилия* / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб., 2001.
- Уэлч Д.* Власть мнения для властей предержавных. Всегда ли пропаганда – ложь и промывание мозгов? // *Родина*. 2000. № 7.
- Шилов А.* Катехизис революционера. Борьба классов. 1924. № 1–2.

T.G. Leontieva

RUSSIAN ORTHODOX PRIEST AND PRESENT-DAY BELLES-LETTRES IMAGES (SECOND PART OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

Summary

By using archive documents, literary, epistolary and visual sources author represent the spectrum of negative features, which were provided with Orthodox priests so called progressive public in pre-revolutionary Russia. It's also shown how public opinions stimulated an identification of clergy.

Key words: Pre-revolutionary Russia, Orthodox priest, Populist literature, popular notions, identification of clergy.
